

— Действительно, срам - преодолеть пять тысяч километров от Калининграда до Иркутска и не побывать на Байкале, до которого оставалось всего около восьмидесяти километров вверх по Ангаре, запруженной перед Иркутском плотиной и превращённой в Иркутское море. Мы проплыли это расстояние часа за три на зафрахтованном симпозиумом теплоходике, отправившись рано утром от одного из причалов у ГЭС.

— Плавание было приятным - прекрасная погода, живописные берега, высокие, покрытые хвойными лесами, круто спускающиеся к воде, местами скалистые. Б.Е. познакомил меня с японцем, Фукушимой, кажется, и мы запросто болтали с ним у борта теплохода на жуткой смеси русского, немецкого и английского языков. Общительность и свободная манера держаться у японца расковывала и меня, и я - редчайший случай! - не стеснялся шпарить по заграничному как умел, и оказалось, что японец меня вполне понимает, а я его.

Учитель и ученик (Б.Е. и я на Байкале 27 июля 1971 года)

А вот и стали раздвигаться берега Ангары - выходим в Байкал. Здесь у истока Ангары, где глубина ещё не очень большая, прозрачность байкальской воды особенно потрясает, потому что виден каждый камешек на дне, и кажется, что сейчас теплоход зашуршит днищем по камням, но глубина здесь метров семь, и вся эта толща насквозь прозрачна. Теплоходик прочапал несколько километров вдоль западного берега Байкала на север, покрутился по озеру для лучшего обозрения и приткнулся к причалу у посёлка Лиственичное, где участники Симпозиума высыпали на берег. Кто полез в гору обозреть Байкал и окрестности сверху, кто затеял волейбол - среди них был и академик Сагдеев, нашлись желающие искупаться в ледяной байкальской водичке, а мы с Б.Е. отправились в Лимнологический музей.

— В музее мы узнали, что находимся в цивилизованном юго-западном углу озера, лишь на пороге путей к разнообразным интересным местам на Байкале, до которых нужно не один день плыть по этому славному морю. Но и то, что мы увидели, производило впечатление присутствия в необычном месте, особенно очаровали меня снеговые вершины гор где-то за противоположным восточным берегом, как бы парящие над хрустальной гладью воды.

— Возвращались на "Ракете" и до Иркутска добрались очень быстро из-за высокой скорости самой "Ракеты" и из-за того, что вниз по течению быстрой Ангары. Запомнилось, как собирал на "Ракету" разбредшихся по берегу иностранцев опекавший их Жулин, тогда ещё не замдиректора ИЗМИРАН, но уже в Интеркосмосе, лихо пёрший наверх. "Доктор Рёдерер!" - надсадно кричал он. "Профессор Данжи! Кам хиэ! Кам хиэ!" - и так всех по очереди, страшно боясь кого-нибудь потерять, оставить, не дай Бог, на диком бреге.

— Из Иркутска я поездом поехал в Новосибирск. Из дорожных оконных впечатлений запомнилось только - переезд через Енисей в Красноярске, знаменитые каменные Столбы, Новосибирское море, отделённое от леса белой полосой песка, долгий объезд Новосибирска, занявшего гигантскую территорию безобразными деревянными хибарами. В Новосибирске как-то удачно, почти не задерживаясь, пересел на поезд до Бийска и вскоре оказался там.

— "Бийск - ворота Горного Алтая" - встретил меня плакат на грязной привокзальной площади. Вокруг, однако, никаких гор видно не было. Город пыльный, но наличествует трамвайное движение. Я перебрался по новому высокому мосту через Бию - довольно приличную, быструю реку, которая где-то пониже, за городом сливается с Катунью, образуя великую Обь - на Заречную, левобережную сторону. Заречье, сплошь одноэтажное, деревянное, растянулось вверх по Бие на несколько километров. На продольной, главной улице есть асфальт, но вспучен жуткими волнами, видать, положен прямо на землю. Поперёк неё вниз к Бие и вверх к лесу идут широкие переулки, разбивающие Заречье на кварталы. С расспросами я нашёл тот, что мне нужен - Центральный, где в собственном домике жила сестра бабы Фени - баба Дуся, и где обычно они зимовали вдвоём, если только баба Феня не у нас в Калининграде, как повелось в последние годы.

— Так совпало, что и Сашуля появилась в Бийске в этот же день - прилетела на "кукурузнике" из Барнаула (а в Барнаул она прилетела из Москвы, где проводила свою маму с Иринкой, уехавших в Севастополь), мы появились у бабушек буквально с интервалом в пару часов, она только успела поспать с дороги немного, как тут и я прибыл. Нам истопили баньку у соседей (у бабы Дуси своей не было), я всласть попарился веничком на полке, Сашуля только мылась, жару она не переносит, а из баньки к столу - ужинать, дело как раз уже к вечеру подошло. Были наготовлены настоящие сибирские пельмени, с огорода принесены огурцы и первые помидоры, из погреба - холоденькая брага (пиво, как её называли бабушки) и самогонка. Для меня белая, точнее, чуток мутновато-голубенькая, для Сашули - красенькая, то есть подкрашенная вареньем или кофе.

— Бабушки от души угощали нас и пили вместе со мной белую стограммовыми стопками. Я с любопытством присматривался к бабе Дусе. Будучи на шесть лет младше бабы Фени (которой шёл восьмой десяток - ровесница века!), она выглядела подчас и старше её из-за абсолютно белых волос, и моложе - из-за необычайно живых темно-карих, почти чёрных глаз. Вообще, в её смуглом лице и характере было что-то цыганское, разбитное, отличавшее её от сестры - бабы Фени, более сдержанной и спокойной. Баба Дуся не прочь была матернуться (но при нас, особенно при Сашуле сдерживалась и переиначивала мат на цензурный лад: "В лоб твою мать!" и т.п.), всю смолила папиросы, пила самогонку поболее бабы Фени, которую называла Лёлькой или няней (так

младшие сестры в сибирских деревнях обычно называют старших, нянчивших их в детстве), и усердно спаивала меня.

— Характер у неё был общительный, горячий и весёлый, я прямо любовался ею. В молодости она поранила ножом своего разбушевавшегося по пьянке мужа так, что он лишился руки, но потом они до самой смерти его жили дружно. Баба Дуся привечала всех родственников, и те, у кого душа болит насчёт выпить, всегда находили у неё облегчение (самогонка у неё не переводилась), отплачивая какой-нибудь работой по хозяйству - дрова поколоть, забор, крышу починить, привезти чего-нибудь и т.д., и т.п.

— В первый же вечер нашего приезда познакомились мы с племянником бабушек дядей Витей Шебалиным, мужиком лет под пятьдесят, а потом и со всем его семейством: женой - тётей Таней, дочкой и сыном Витькой-младшим, лишившимся в прошлом году ноги в поездке с приятелем на мотороллере (врезались по пьянке в грузовик, приятель насмерть), но освоившим уже протез, хотя ещё и с помощью палки. За самогоном я вёл разговоры с бабушками и Шебалиными о том, о сём, незаметно для себя подлаживаясь под их говор, подхватывая всевозможные словечки и обороты, которыми очаровывает алтайская речь - все эти "куды с добром" и т.п. Сашулю, как оказалось, это очень раздражало. Ей хотелось продемонстрировать серьёзного, корректного, интеллигентного мужа, настоящего ученого, соответствующего своему титулу - "кандидат наук", и не нравились мои старания выглядеть демократичнее, по-свойски, да ещё этот самогон...

— Домик бабы Дуси на углу Центрального переулка и Садовой улицы был маленький - две комнатки, кухонка и кладовка, низенький, окошки на ночь закрывались ставнями. Был у бабы Дуси дом получше, побольше, здесь же напротив, на Центральном, да сменяла его из-за воды: соседи этого, нынешнего дома насос поставили, который воду качал и обслуживал их и бабы Дусин огороды - от колодца на полив много ли натаскаешь? В огороде у бабы Дуси росли картошка, лук, огурцы и помидоры. Картошкой с этого да ещё с бабы Фениного в деревне огорода в основном весь год и кормились обе наши бабушки. На огороды они и силы все свои тратили весной и осенью, огородами и жили.

— Конечно, помогали им понемногу и Гриша, и Николай - сыновья бабы Фени (у бабы Дуси своих детей не было), но опирались бабки прежде всего на свои огороды, а деньги, которые им посылали, больше тратили на подарки для тех же детей, племянников, внуков и правнуков. Чего только они не присылали нам в разные годы: и самотканые дорожки на полы, и какие-то покрывала (на что Сашуля очень сердилась - тратят деньги на вещи, которые ей не по вкусу, сколько раз им говорила!), и валенки для Иринки, и шерстяные носки самовязанные для всех, и сало солёное, и масло топлёное, и птицу битую подсолённую, и лук репчатый на всю зиму, и чеснок, и мёд бидонами, и кедровые орехи побаловаться... А пенсии они получали рублей по пятнадцать, да Григорий с Николаем по тридцатке бабушке Фене каждый месяц высылали.

(продолжение следует)